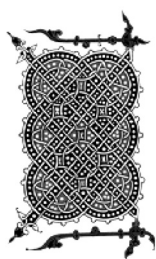


НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ОЧЕРКИ

© 2024 К. В. Цеханская
Москва, Россия



ИКОНОПОЧИТАНИЕ В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ РУССКИХ КРЕСТЬЯН НАЧАЛА XX в.

Аннотация. В статье на основе архивных данных, святоотеческой литературы и научных исследований автор описывает и реконструирует иконопочитание в самой консервативной традиции русских – похоронно-поминальной обрядности крестьян начала XX в. В исследовании показано, что церковное и народное почитание икон издавна и устойчиво составляло важную часть духовной жизни крестьян.

Ключевые слова: православие, иконопочитание, похороны, поминки, традиции, народные представления.

Ссылка при цитировании: Цеханская К. В. Иконопочитание в похоронно-поминальной обрядности русских крестьян начала XX в. // Традиции и современность. 2024. № 37. С. 102–109

Статья выполнена в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Динамика идентичностей и культур населения России: академические и прикладные социально-антропологические исследования»

Цеханская Кира Владимировна (Tzekhanskaja Kira Vladimirovna) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: kirilla2011@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9719-4304>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2024. № 37. С. 102–109

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 281.93; 393.05; ББК – 86.372-5; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2024-37/102-109>

Как непостижимо для ума происходит соединение души с телом в утробе матери, так же таинственно бывает разделение души и тела. Однако весь жизненный путь, который проходит человек, с христианской точки зрения, есть подготовка к будущей вечной жизни, к Царствию Небесному. «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12: 24). Нет христианина, которого бы не посещала мысль о смерти, и в тайнике своего сердца он не повторял бы слова, сказанные святым Серафимом Саровским: «Господи, как мне умирать будет?». Каждый православный человек молит Господа о христианской кончине с исповедью и Причастием, смерти «безболезненной, непостыдной, мирной», среди своих близких¹. Предсмертные часы и минуты – самые ответственные в жизни каждого христианина. Православные люди в течение всей своей жизни помнят о смертном часе, и эта память отвращает их от греха и утешает на смертном одре, ибо только вера в жизнь вечную укрепляет и радуется ожиданием грядущего. «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек» (Ин. 11: 25–26). Истина бессмертия души – одна из основных в христианстве. «Бог не есть Бог мертвых, но живых. Ибо у Него все живы» (Лк. 20: 38).

От скоропостижной смерти молились святым Харлампию (10 февраля ст. ст.) и Садоку Персидскому (19 октября ст. ст.), просившему Бога в предсмертной молитве, чтобы молящиеся от его имени получали спасение.

Последние земные дни православного человека связаны с иконой.

Автор «Повести о болезни и смерти князя Василия III» рассказывал, что умирающий, повелев читать себе отходную молитву, приложился к иконе святой Екатерины² «...и возбудившись, аки от она, и приимъ образ великомученицы, и любезно приложися к ней и коснуся рукою правою образу ея...». Известно, что по требованию митрополита Вассиана к постели умирающего Василия III принесли также иконы святителя Николая Угодника и Богоматери Владимирской (Памятники литературы Древней Руси 1985: 40).

Видя приближение смерти главы семьи, родные просили у него благословения, и умирающий, часто с помощью кого-либо из членов семьи, благословлял их одной из домашних икон. В этих случаях, как правило, избирали образ Спасителя, Богоматери или особо почитаемого на Руси Николая Чудотворца³. Если в доме хранилась родовая икона или та, которой благословляли на брак (часто это одна и та же икона), то брали с божницы именно ее. Дети хра-

нили икону – последнее родительское благословение, как особую святыню, и, по возможности, передавали ее по наследству (АРГО. Раз. 23. Д. 97. Л. 22).

Смирение христианина перед волей Божией проявляется в том спокойствии, которое наступает перед концом его земной жизни⁴. Чувствуя приближение момента смерти, православный человек часто просил испытать богоявленной воды для духовного укрепления и положить его перед иконами, чтобы легче было умирать (АРЭМ. Д. 205. Л. 3; Д. 1411. Л. 20). Когда больной кончается или, по крестьянскому выражению, «часует», в головах зажигали четверговую свечу, сохраненную со Страстного Четверга, или венчальную, с которой он стоял под венцом, «чтобы скорее Бог прибрал» (РИ-АМЗНА. № 36. Л. 2; АРЭМ. Д. 1549. Л. 8; Листова 1993: 51). Корреспондент из Череповецкого у. Новгородской губ. сообщал, что родные не допускали, чтобы умирающий лежал на печи или на полатах, а помещали его на лавку непременно под иконы, в передний угол. По поверью, бытовавшему в этих местах, «по ту сторону матицы умирающего нельзя оставлять», потому что при исходе души из тела в избе присутствуют Ангел и дьявол: Ангел «по эту сторону матицы», то есть в передней части избы, а дьявол «по ту сторону матицы», в задней половине избы. И смотря по месту, на котором лежит умирающий, душа его может попасть в те или другие руки. Так, если больной лежит не в переднем углу, то и «не особенно грешную душу может раньше Ангела перехватить дьявол». Если же умирающий лежит на святом месте, около икон, к нему «дьяволу подходить не позволено, даже грешная душа может попасть в руки Ангела». Тут у Ангела с дьяволом, по крестьянским понятиям, начинается борьба, «и, если последний не возьмет “верха”, т. е. не отобьет у Ангела душу, Ангел будет сопровождать ее по мытарствам 40 дней и, наконец, отнесет в рай». В Порховском у. Псковской губ. считали, что по выходе из тела душа становится невидимой, вылетает через рот и переходит в руки того святого, чье имя носил человек (АРЭМ. Д. 1411. Л. 24; Д. 840. Л. 5). «Тихая кончина» считалась уделом праведников, напротив – «смерть грешников люта» (Пс. 33: 22).

В некоторых губерниях дореволюционной России после смерти домочадца, с наступлением вечера разносили тайную милостыню (АРЭМ. Д. 32. Л. 67; Д. 1435. Л. 3). Односельчане считали своим долгом «навестить» умершего. В Рязанской и Смоленской губерниях один из родственников шел к священнику договариваться о похоронах и приносил из церкви большой деревянный крест, который ставили у изголовья покойника или у божницы. Вечером приносили хоругви и помещали у окон снаружи избы (АРЭМ. Д. 1435. Л. 3; Д. 1669. Л. 5; Д. 1549. Л. 8).

Новопреставленного «собирали» на столе или на лавке перед образами, голова его при этом должна была быть обращена к красному углу (АРЭМ. Д. 69. Л. 7; Д. 216. Л. 124; Д. 1833. Л. 4; Д. 65. Л. 49; Д. 699. Л. 16). По православному обычаю, в храме при отпевании и в могилу усопшего полагается класть ногами к востоку, чтобы лицо было обращено на восток же, в знак того, что умерший идет от запада жизни к востоку вечности, где находится рай. Но не всегда в домах придерживались этого правила. Как пишет Т. А. Листова, в Псковской обл. иногда клали и наоборот, ногами под иконы – «так, чтобы смотрел на иконы»⁵. В наше время «священники часто указывают, что более соответствует церковному обычаю второй вариант, и во время заупокойной службы на дому требуют развернуть гроб» (Листова 1993: 56–57; Булгаков 1993: 1291).

Тело умершего христианина обмывают водой, поскольку оно должно предстать перед Богом в чистоте и непорочности. После омовения его облачают в новые чистые одежды – символ будущего обновления тела после воскресения и бессмертия (1 Кор. 15: 53). На груди покойного обязательно должен быть нательный крест. На мирянина, кроме обычных одежд, возлагают погребальный белый саван, как покров, напоминающий о белой одежде крещения. На лоб кладут венчик с изображением Иисуса Христа, Богоматери и святого Иоанна Предтечи с надписью: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас». Это означает, что христианин по окончании земной жизни украшается венцом, как воин, одержавший победу, и надеется за свои подвиги получить венец (2 Тим. 4: 7–8) по милосердию Троицного Бога и ходатайству Божией Матери и Иоанна Предтечи. Мужчинам в гроб в левую руку или на грудь обычно кладут небольшой образок Спасителя или Николая Угодника, женщинам – образ Божией Матери. Погребают вместе с этой иконой. Это делается в знак того, что усопший веровал во Христа и теперь передает Ему душу, переходит к лицезрению Его и святых. При прощании родные и близкие умершего обходят гроб, с поклоном просят прощения за вольные и невольные обиды и в последний раз целуют покойного в венчик или икону, находящуюся на груди. Специальных церковных установлений относительно погребения с иконами никогда не было. Однако многие исторические свидетельства дают основание говорить о повсеместном распространении этого обычая, уходящего своими корнями в первые века христианства на Руси. Так, в Кормчей XIII в. упоминалось, что «икону погребли бохоу с мертвецем святого Махайла, и не повелел взгребати: крестьянин, рече кеть» (РИБ 1880: 37). В исследовании И. В. Власовой, посвященном Русскому Северу, отмечается

также, что в древнерусских погребениях XI–XIII вв. «археологи находят кресты и образки» (Власова 2001: 130). В житиях святых и подвижников благочестия нередко встречаются подобные упоминания. Известно, например, что святого преподобного Серафима Саровского похоронили с иконой его любимого святого Сергия Радонежского. Традиция подобного православного погребения бытует и теперь. Наш современник старец Захария († 1936 г.), похороненный на Введенском (Немецком) кладбище Москвы, при жизни не расставался с иконой святой Троицы, с ней же его и похоронили (Старец Захария 1998: 64). И в начале XXI в. верующие считают обязательным в гроб класть маленькую икону.

Как в XIX в., так и теперь в некоторых областях существует обычай – после отпевания, как бы в дар, оставлять небольшую икону в церкви. Г. А. Носова, изучая современные формы похоронного обряда, отмечает, что образки оставляют иногда в церкви до 40 дней, затем его возвращают в дом умершего (Носова 1993: 111). В начале XX в. во Владимирской и Нижегородской губ. икону, которую несли на кладбище перед покойником, также оставляли на 40 дней в церкви, по праздничным дням возжигали перед ней свечи, а потом забирали домой. В д. Вичкиной Бутырицкой вол. Нижегородской губ. икону эту прикрепляли к столбику на границе деревни (АРГО. Раз. 23. Д. 97. Л. 74).

После отпевания шли на кладбище. Перед похоронной процессией полагалось нести крест или икону. Устойчивая традиция сохранилась до наших дней. В Шарьинском р-не Костромской обл. в 1995 г. рассказывали: «Когда на кладбище идут, впереди несут икону. А если мушшина, дак Николай Угодника или там отца Серафима, у кого какая иконка. А если женщина умрет, дак женьское лице несут: хоть Пресвятую Богородицу, хоть там Неопалимую, кто какую. Вот так. Вот сперва и с иконой идут, на икону повязочку навешают» (Ветлужская сторона 1995: 75). В северо-восточных епархиях России нести икону поручали малолетним родственникам умершего (АРЭМ. Д. 580. Л. 6; Булгаков 1993: 1329).

В Ярославской губ. мальчик нес икону на «новине» (сотканый цельный холст или новое полотно) из дома покойного. После погребения новина из-под иконы отдавалась первому попавшемуся нищему в виде первой милостыни по душе усопшего (Костоловский 1906: 220; АРЭМ. Д. 1331. Л. 12).

В Рязанской губ. считалось, что благодаря такой милостыне покойному прощался его первый тяжкий грех. А во Владимирской губ. получивший «стречу», или «встречник» считался счастливым, потому что на «том свете» покойный первым будет его встречать, загораживая от «плохих путей» в ад и постилая этот холст на пути к местам блаженства⁶.

До XVII в. после опускания гроба в могилу все целовали образа, а потом ели кутью (Кремлева 1993: 16).

В центральных и северных губерниях России на второй день после смерти на божницу ставили чашку с водой, блином или куском хлеба. В течение 40 дней каждые сутки воду меняли, а хлеб подавали нищим (АРЭМ. Д. 1669. Л. 6; Славянские древности 2009: 163).

В Костромской и Олонецкой губ. сразу после смерти домочадца под иконами ставили сосуд с водой и вешали полотенце, чтобы душа в течение 40 дней умывалась; верили также, что ночью умершие родители утираются им и на полотенце остается черный след, потому что, посещая свое земное жилище, души сидят на висящих около икон рушниках⁷ (Гермоген (Добронравин), епископ 1997: 179; Булгаков 1993: 1366).

Святой Макарий Александрийский, по откровению ангельскому, писал о мытарствах души после смерти. В первые два дня душа усопшего пребывает с родственниками и, сохраняя земные привязанности, прилетает то к дому, где жила, то к гробу, где лежит ее мертвое тело. На третий день душа возносится на небо для поклонения Творцу. После этого ей показываются райские блаженства, а на девятый день душа является на второе поклонение Господу. Затем она проходит мытарства и в сороковой день, уже в третий раз, предстает перед Господом на предварительный, или частный, суд (Евр. 9: 27), где ей назначается место по заслугам до Страшного суда, когда окончательно решится участь всех людей.

По обычаям глубокой древности христиане особенно усиленно молились за усопшего на третий, девятый и сороковой дни после смерти. Третины объясняются верой в Святую Троицу, в то, что умерший отошел в лучший мир к Триипостасному Богу, в память Воскресения Иисуса Христа на третий день. Девятины совершаются с верой в силу заступничества и молитв ангельских чинов новопреставленного перед Богом. Обряд сорокадневного поминовения восходит к Ветхому Завету: израильтяне сорок дней оплакивали праотца Иакова, а затем пророка Моисея. В Новом Завете говорится, что Иисус Христос вознесся на небеса спустя 40 дней после Воскресения. Есть и другое объяснение поминовения в течение именно 40 дней: Христос победил диавола, пробыв 40 дней в посте и молитве. Так и Святая Церковь приносит молитвы по усопшему, прося победить врага, воздушного князя тьмы и получить Царство Небесное.

Благочестивые люди каждый год отмечают день смерти, а также дни рождения и именин усопшего с надеждой, что умерший душой жив, бессмертен и обновится, когда «Господь воздвигнет самое тело его»⁸.

Молитвенное общение между живыми и мертвыми никогда не прекращается. Молитва, поминовение усопших – единственная милость, которую живые могут оказать умершим, улучшить их участь до Страшного суда. Днями усиленного молитвенного поминовения усопших у православных являются пять вселенских суббот. Среди них в народе особенно почитаются дни родительских поминовений – Дмитриевская суббота и Радоница, или Радунца (вторник второй седмицы после Пасхальной)⁸ (АРЭМ. Д. 162. Л. 23; Д. 1411. Л. 22). Посещая кладбища, православные люди как бы христосуются с умершими, как с живыми. В своих проповедях святой Иоанн Златоуст объяснял, почему христиане по традиции отцов идут из храмов молиться на места захоронений: «Сегодня Иисус Христос сошел во ад к мертвым, чтобы возвестить победу над смертью» (Святой Иоанн Златоуст 1899: 440).

В разных областях России похоронам сопутствовали многообразные обряды. Так, корреспондент В. Чапурский из Вологодской губ. сообщал, что здесь икону, которая стояла перед покойником в доме, «опускали на воду» (АРЭМ. Д. 1827. Л. 7).

Могила христианина всегда отмечена крестом, как правило, восьмиконечным. По народным представлениям, крест ставят в ногах, к востоку, чтобы при воскресении усопший, восстав, мог на него взирать. Раньше в некоторых губерниях в середину креста врезали небольшой медный или финифтяной образок (Красовский 1916: 124). В Архангельской и Олонецкой губ. до революции сохранялись старообрядческие надгробия старинных образцов. Такие «гробницы» представляли собой подобие часовни в виде небольших срубов, которые иногда увенчивались луковичными главками с крестами. В часовенке всегда была дверь, иногда небольшие оконца, внутри же, по стенам, размещались полки для икон и лавка, на которой можно было посидеть. Другой тип старинных надгробий – намогильные столбики, украшенные резьбой, с двускатными кровельками, которые спускались часто до земли. На столбиках с двух сторон помещали киоты с иконами. Деревянные кресты с врезанными литыми иконками до сих пор можно встретить в Архангельской обл. (Дмитриева 1986: 461–466). Кроме врезанных образков иногда ставили икону, а на могилах людей, известных святой жизнью, их бывало помногу. Крест на могиле христианина – знак его веры во Христа, Спасителя мира, и надежды на спасение Христовым крестом. Присутствие же икон Спасителя, Божией Матери или какого-либо святого служило выражением надежды близких усопшего, что он находится под незримым покровительством тех, кто изображен на иконе и кого он чтит при своей жизни. Вместе с

тем присутствие иконы давало возможность родным, пришедшим на могилу, помолиться, похорониться об упокоении души почившего перед святым образом.

На могилах чтимых подвижников было особенно много икон, так как православный народ верил, что почивший праведник имеет дерзновение обратиться к Богу, будучи вписанным в лик святых, и вместе с народом молится за грешных. Поэтому люди приносили маленькие образки, которые служили как бы видимым выражением их веры и надежды на молитвенное осенение почившего с небесных высот. Во времена первых христиан общение Церкви земной и небесной выражалось молитвами на гробах мучеников и святых во время литургии, которую служили на могилах, когда их гробы были престолами. Возможно, отсюда появился обычай ставить иконы на гробницы подвижников благочестия. Так, 24 августа по ст. ст. отмечается Явление Пресвятой Богородицы преподобному Сергию Радонежскому. В честь этого события была написана икона, изображающая явление Богородицы преподобному Сергию. Образ находится в Троице-Сергиевой лавре в Троицком соборе на том месте, где стояла келья святого угодника и где явилась ему Божия Матерь. Как свидетельствует надпись на задней стороне иконы, она была написана на верхней гробовой доске преподобного Сергия. Икона представляет собой складень.

В 1446 г. в княжение великого московского князя Василия Васильевича (1425–1462 гг.) шла междоусобная борьба между ним и удельными московскими князьями. В этой борьбе великий князь потерпел поражение и, спасаясь, скрылся в Троице-Сергиевой лавре. Но здесь он был настигнут князем Иваном Можайским и другими воинами. Преследуемый ими, он заперся в Троицком соборе. Взяв с гроба преподобного Сергия икону, он открыл южные двери собора и, когда преследователь ворвался туда, Василий встретил его с иконой в руках и сказал: «Брат, мы целовали животворящий крест и сию икону, чтобы нам не мыслить зла друг на друга» (Овчинникова 1963: 110–111). Князь Можайский был тронут обращением своего соперника, смягчился и дал обещание перед чудотворным образом, что не причинит ему никакого зла. После этого икона была поставлена на прежнее место (Дмитриев 2023: 158–171).

Иконы не только писали на гробовых досках почитаемых старцев, впоследствии канонизированных, но и просто ставили над гробом одну или несколько икон. В музее Троице-Сергиевой лавры хранится надгробная икона XVI в. Никона Радонежского; из Соловецкого монастыря была доставлена надгробная икона митрополита Филип-

па конца XVI – начала XVII в. (Никольский 1897: 153–157; Антонова, Мнева 1963: 76–77). На этих иконах Богородицы с младенцем предстоят святые: митрополит Московский Филипп и Сергей Радонежский, а на другой – митрополиты Петр, Алексий и Сергей Радонежский. Иконография надгробных образов символизирует моление за монастырь его основателя и обращение за покровительством к Божией Матери. Этот тип икон получил распространение в XVI в. в связи с тем, что в данное время было особенно много канонизировано русских святых. В описях Кирилло-Белозерского, Свенского, Махрицкого и многих других монастырей упоминается довольно большое число икон подобного содержания (Антонова, Мнева 1963: 12; Овчинникова 1963: 92).

В Успенском соборе в Москве, как уже отмечалось, хранилась икона святого великомученика Димитрия Солунского, отмеченная в летописи, как «доска из Селуни святого Димитрия гробная»; эта икона была принесена из Солуни во Владимир Кляземский, а в 1380 г. великий князь Димитрий Иоаннович Донской перенес образ в Москву (ПСРЛ 1949: 153; Булгаков (Макарий), митрополит 1995: 330).

Иконы Пресвятой Богородицы Одигитрии и Святителя Николая были келейными образами преподобного Сергия Радонежского и до сих пор находятся при его раке в Троицкой церкви Сергиевой лавры.

Традиция установки над гробами не только отдельных икон, но и деисусов известна со времен первых христиан. На Руси еще в домонгольское время ставились даже небольшие иконостасы на гробницах князей, царствовавших особ и подвижников благочестия. Об этом свидетельствует фреска XII в. на северной стене Мартирьевской паперти Софии Новгородской (Брюсова 1968: 108–125).

В коллекции Русского музея хранится икона, носящая название «Страдание Веры, Надежды, Любви и матери их Софии и история библейской Сусанны». Соборная опись собора 1860 г. свидетельствует, что икона эта входила в своеобразный иконостас, установленный над гробницей царевны Софии Алексеевны (в монашестве Сусанны), который состоял из 18 икон. В описании Новодевичьего монастыря указывается: «Над гробницами царскими размещены в иконостасах образа разной величины. Иконы эти по большей части были у цариц и царевен походные, комнатные, келейные и выносные», то есть небольшие по размеру (Ананьева 1966: 437–438).

Иконопочитание в похоронно-поминальной обрядности русских, несмотря на большие трансформации в жизни народа, сохранилось и в XXI в. как одна из основ православного благочестия.

Примечания

¹ Чтобы не умереть без исповеди и святого Причастия, молились великомученице Варваре (4 декабря по ст. ст.), которая спасает от тяжких болезней и внезапной смерти. Издавна эта святая признается молитвенницей о предсмертном христианском напутствии.

² Вероятно, с участием святой в судьбе человеческой души, отделяющейся от тела, связана ее роль в чине отпевания и поминаения. Введение в деисусные ряды и чины избранных святых образа святой Екатерины связано с идеей Воскресения.

³ Образ Николая Угодника занимал важное место в поминальных службах, доказательством чему служат обращенные к нему молитвы и песнопения: «День и час страшный поминай, о душе моя! егда ты хочет привести на суд Владыка, и судити твоя дела тайная, и возопий Ему: Спасе, спаси мя Николаа мольбами» ([Ин канон святителю Николе \(из Октая, 4 гласа\) — Русская вера \(ruvera.ru\)](#)).

⁴ Святому Афанасию (5 июля по ст. ст.) молились, чтобы больной, которому нет надежды выздороветь и который мучается сам и в тягость другим, скорее скончался. Такую молитву, по преданию, сам Афанасий возносил каждый раз, когда по своей прозорливости предвидел для больного не выздоровление, а смерть. Тогда святой служил всенощное бдение, и к утру больной отходил.

⁵ Церковных установлений на этот счет нет, поэтому чаще преобладала народная традиция.

⁶ Вот как в XVII в. А. Олеарий описывал православный похоронный обряд на кладбище. В похоронной процессии «позади священника церковнослужители несут иконы и кадильницы. Прибыв на кладбище, гроб опускают на землю... снимают с него крышку и тело умершего еще раз окуривают ладаном, в то же самое время над ним держат икону святого, которого покойник почитал преимущественно перед прочими в продолжение своей жизни... По совершении обряда погребения, все присутствующие, помолившись святым иконам, расходятся по домам» (Олеарий А. О состоянии России в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. СПб., 1861. С. 158.).

⁷ Рассуждая о смерти, один из церковных авторов писал, что Древняя Русь при всей строгости своего отношения к поминанию усопших находила возможным молиться об избавлении от вечных мук умерших в иноверии. При этом молились святому мученику Уару, который жил в Египте в конце III – начале IV в., в эпоху особо жестоких гонений на христиан. Канон мученику Уару читали те, чьи ближайшие родственники или предки скончались вне общения с Православной Церковью. Причина, по которой в подобных случаях обращались именно к нему, состояла в том, что этот святой вымолил у Господа прощение языческим предкам блаженной Клеопатры.

⁸ Этот день называется Радоницей (вторник Фоминой недели) потому, что именно в этот день живые приветствуют мертвых с радостной вестью о Воскресении Христовом.

Источники и материалы

Антонова, Мнева 1963 – Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII в. Опыт историко-художественной классификации. В 2 т. / Государственная Третьяковская галерея. Т. I. М.: Искусство, 1963. № 12.

АРГО – Архив Русского географического общества.

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея.

Булгаков (Макарий), митрополит 1995 – Булгаков (Макарий), митрополит Московский и Коломенский. История русской Церкви. Кн. 2. М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995.

Булгаков 1993 – Булгаков С. В. Настольная книга священно-церковнослужителя. Т. II. СПб., 1993.

Ветлужская сторона 1995 – Ветлужская сторона. Кострома: ДиАр, 1995.

Гермоген (Добронравин), епископ 1997 – Епископ Гермоген (Добронравин). Утешение в смерти близких сердцу. М., 1997.

Памятники литературы Древней Руси 1985 – Памятники литературы Древней Руси / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1985.

ПСРЛ 1949 – Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.; Л.: 1949.

РИАМЗНА – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. Научный архив.

РИБ 1880 – Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1880.

Святой Иоанн Златоуст 1899 – Святой Иоанн Златоуст. Творения. Т. 2. Кн. 1. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1899.

Славянские древности 2009 – Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 4. М., 2009.

Старец Захария 1998 – Старец Захария. Житие: подвиги и чудеса. М., 1998.

Научная литература

- Ананьева Т. А. Икона с виршами из надгробия царевны Софьи // Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси. М.; Л., 1966. С. 437–446.
- Брюсова В. Г. К истории стенописи Софийского собора Новгорода. Фрески Мартирьевской паперти // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 95–125.
- Власова И. В. Население центральных районов Русского Севера // Русский Север. М., 2001. С. 102–141.
- Дмитриев Г. С. Об обстоятельствах и месте ослепления великого князя Василия II // Церковный историк. 2023. № 1 (11). С. 158–171.
- Дмитриева С. И. Мезенские кресты // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1984. Л.: Наука, 1986. С. 461–466.
- Костоловский И. В. Из поверий Ярославской губернии // Этнографическое обозрение. 1906. № 3–4. С. 141–149.
- Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Ч. I. Петроград, 1916.
- Кремлева И. А. Похоронно-поминальные обряды: русская традиция и современность // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 65–78.
- Листова Т. А. Похоронно-поминальные обычаи русских (На материалах Псковской и Смоленской обл.) // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 48–64.
- Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII века (1397–1625). Т. I. Вып. 1. СПб., 1897.
- Носова Г. А. Русский традиционный похоронный обряд: современные формы // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 84–115.
- Овчинникова Е. С. Новый памятник станковой живописи XV в. круга Рублева // Древнерусское искусство XV – начала XVI веков. М., 1963. С. 94–118.

References

- Anan'eva, T. A. 1966. Ikona s virshami iz nadgrobiya tsarevny Sof'i [Icon with verses from the tombstone of Tsarevna Sophia]. In *Vzaimodeistvie literatury i izobrazitel'nogo iskusstva v Drevnei Rusi* [Interaction of literature and fine art in Ancient Russia], 437–446. Moscow; Leningrad.
- Bryusova, V. G. 1968. K istorii stenopisi Sofiiskogo sobora Novgoroda. Freski Martir'evskoi paperti [On the history of the wall painting of St. Sophia Cathedral in Novgorod. Frescoes of the Martyr's porch]. In *Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaya kul'tura Novgoroda* [Ancient Russian art. Russian Russian Culture], 95–125. Moscow.
- Vlasova, I. V. 2001. Naselenie tsentral'nykh raionov Russkogo Severa [The population of the central regions of the Russian North]. In *Russkii Sever* [Russian North], 102–141. Moscow.
- Dmitriev, G. S. 2023. Ob obstoyatel'stvakh i meste oslepleniya velikogo knyazya Vasiliya II [On the circumstances and place of the blinding of Grand Duke Vasily II]. *Tserkovnyi istorik* 1 (11): 158–171.
- Dmitrieva, S. I. 1986. Mezenskie kresty [Mezen crosses]. In *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Ezhegodnik. 1984* [Monuments of culture. New discoveries. The yearbook. 1984], 461–466.
- Kostolovskii, I. V. 1906. Iz poverii Yaroslavskoi gubernii [From the beliefs of the Yaroslavl province]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3–4: 141–149.
- Krasovskii, M. 1916. *Kurs istorii russkoi arkhitektury* [Course of the history of Russian architecture]. Part I. Petrograd.
- Kremleva, I. A. 1993. Pokhoronno-pominal'nye obryady: russkaya traditsiya i sovremennost' [Funeral and memorial rites: Russian tradition and modernity]. In *Pokhoronno-pominal'nye obychai i obryady* [Funeral and memorial customs and rituals], 65–78. Moscow.
- Listova, T. A. 1993. Pokhoronno-pominal'nye obychai russkikh (Na materialakh Pskovskoi i Smolenskoi oblastei) [Funeral and memorial customs of Russians. (Based on materials from the Pskov and Smolensk regions)]. In *Pokhoronno-pominal'nye obychai i obryady* [Funeral and memorial customs and rituals], 48–64. Moscow.
- Nikol'skii, N. 1897. *Kirillo-Belozerskii monastyr' i ego ustroistvo vo vtoroi chetverti XVII veka (1397–1625)* [Kirillo-Belozersky monastery and its structure in the second quarter of the XVII century (1397–1625)]. Vol. I. Issue 1. Saint Petersburg.
- Nosova, G. A. 1993. Russkii traditsionnyi pokhoronnyi obryad: sovremennye formy [Russian traditional funeral rite: modern forms]. In *Pokhoronno-pominal'nye obychai i obryady* [Funeral and memorial customs and rituals], 84–115. Moscow.
- Ovchinnikova, E. S. 1963. Novyi pamyatnik stankovoi zhivopisi XV v. kruga Rubleva [A new monument to easel painting of the XV century. Rublev circle]. In *Drevnerusskoe iskusstvo XV – nachala XVI vekov* [Ancient Russian art of the XV – early XVI centuries], 94–118. Moscow.

ICON WORSHIP IN THE FUNERAL AND MEMORIAL RITUALITY OF RUSSIAN PEASANTS OF THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Abstract. In the article, based on archival data, patristic literature and scientific research, the author describes and reconstructs icon veneration in the most conservative Russian tradition – the funeral and memorial rites of peasants of the early 20th century. The study shows that church and folk veneration of icons has long and steadily constituted an important part of the spiritual life of peasants.

Keywords: Orthodoxy, icon veneration, funerals, memorial services, traditions, folk ideas.

Authors Info: Tzekhanskaja, Kira V. – Dr. of History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation), E-mail: kirilla2011@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9719-4304>

For citation: Tzekhanskaja, K. V. 2024. Icon veneration in the funeral and memorial rites of Russian peasants of the early 20th century. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 37: 102–109

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

